

Глава 2

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

январь – март 1942 г.

В один из вечеров начала января нового 1942 года командир отряда, Балахонов, стал советоваться с Храпко, своим комиссаром: а не перебраться ли отряду в другой район – поближе к шоссе и железнодородным магистралям?

– Там и будем бить немцев. Днём и ночью! – закончил командир, и тут же изобразил, сжав кулаки, строчащего пулемётчика.

– Замысел понятен, – ответил Храпко, немного подумав. – Но для этого, Александр Гаврилович, нам надо получить согласие подпольного райкома партии и самого Павловского.

– Вот что, комиссар! – вспыхнула Балахонов. – Мы не для того собрали отряд, чтобы отсиживаться да слушать, что нам скажут сверху.

– А я что? Предлагаю отсиживаться?! – раздраженно возразил Храпко. – Бить фашистов надо – спору нет. Но самовольных решений и действий без согласия райкома партии и самого Павловского предпринимать нельзя.

– Если так, то я выйду из состава «гарнизона» Павловского, и буду действовать самостоятельно.

Храпко промолчал. Задумался...

СМЕНА КОМАНДИРА ОТРЯДА

«Вольнодумие» Балахонова каким-то образом стало известно Павловскому, и тот вызвал весь отряд к себе, в Рудобелку, – это пятнадцать километров по лесным дорогам.

Павловский выслушал Балахонова, побеседовал с Храпко¹, и принял решение: *отстранить Балахонова от командования отрядом*. Отряду предложил: *выберите сами нового командира*.

«Окруженцы» и подпольщики Дорогавцев, Голодов, Сыроквашин и Химичев образовали круг: ясно, кому-то из них, кадровых военных, быть командиром. Сами собой взгляды упёрлись в Химичева: все знали Ивана Алексеевича как командира группы подпольщиков, и теперь,

казалось, ему и карты в руки.

Наступила пауза. Молчание нарушил Павловский:

– Впрочем, чего уж там выбирать. Вот Николай Борисович, человек местный, знает здесь всех и вся. Да, к тому же направлен к нам самим обкомом партии. Так что, если не возражаете...

Герою Советского Союза Павловскому никто не возражал: с обкомом, по жизненному опыту знали, надо считаться.

В тот же день, 5 января 1942 года, Павловский своим приказом утверждает *Храпко Николая Борисовича* (32 года) командиром отряда, *Химичева Ивана Алексеевича* – заместителем командира отряда.

По предложению Химичева Павловский назначает комиссаром отряда младшего политрука *Голодова Василия Емельяновича* (27 лет) и начальником штаба отряда лейтенанта *Сыроквашина Сергея Васильевича* (25 лет).

Балахонов обратился к Павловскому:

– Разрешите, я здесь, в Рудобелке, немного задержусь. Соберу людей, желающих остаться при мне, и... сформирую новый отряд.

Павловский рассудил: ну и отлично! Вместо одного будет два отряда, и, возможно, придётся создавать ещё третий, четвёртый... И, бог знает, сколько ещё.

---

¹ До войны Храпко и Павловский какое-то время работали вместе в Октябрьском районе. – *А.Т.*

– Согласен, Александр Гаврилович. Действуй! Получишь от меня всяческую поддержку.

Павловский пригласил к столу новое командование отряда. Искали Балахонова, но не нашли – он, сказали, уже ушёл в «отряд Храпко» подбирать бойцов в новый отряд.

На месте, в Рудобелке, осталась небольшая группа партизан во главе с Балахоновым² – ядро нового отряда. А *отряд Храпко*, основу которого составила часть бывшего отряда Балахонова, искал себе новое место для базирования.

ПЕРВАЯ СТОЯНКА ОТРЯДА ХРАПКО

Проведя рекогносцировку, командование отряда решило остановить свой выбор на треугольнике: хутор Колбик, деревни Залесье и Перекалье. Это место было удобным как с точки зрения защищённости от внешнего нападения, так и для размещения отряда.

Вот как описал эти места Химичев³:

«С северо-востока это место прикрывали на несколько километров сосновый лес и густой кустарник. Заболоченные участки простирались к соседним деревням Вятёр, Булково и Оземля. К югу, вплоть до Рудобелки, шли перелески. С запада все прилегающее пространство, хотя и открытое, но почти сплошь занято торфозаботками. А далее, за деревней Малынь, где стоял отряд Шваякова, до самой реки Птичь, снова тянулся густой лес».

Определили систему охраны, наметили пути отхода на случай вынужденного отступления.

На хуторе Колбик было все необходимое для размещения отряда. В зданиях бывшей школы, магазина и склада устроили казарму, столовую, пекарню и баню. А через неделю пустили в ход мельницу (зерном и крупой отряд обеспечивали крестьяне деревни Барбарово).

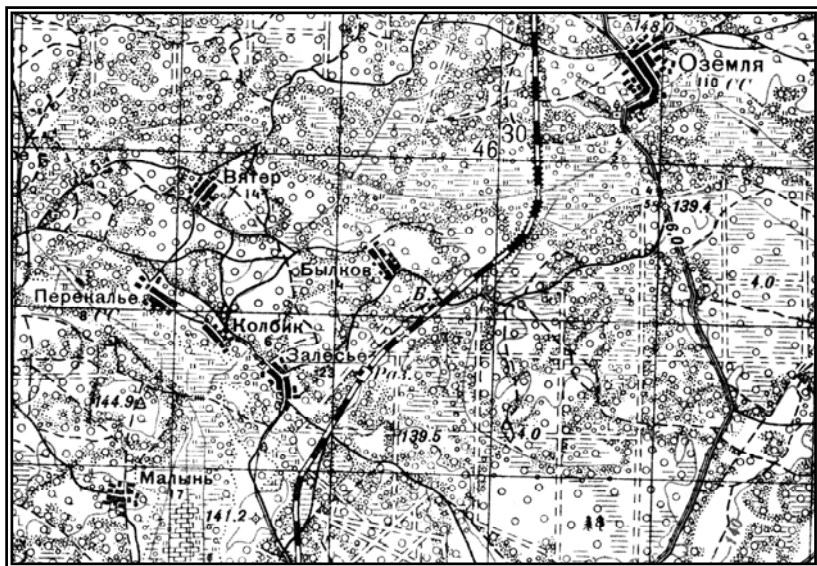
В Залесье в уютной и светлой хате развернули лазарет. Там фельдшерами работали сестры Надя и Лида Саковичи из Ратмирович. Вот только медикаментов не было. Но рассчитывали кое-что получить от бобруйских подпольщиков.

---

² Новый отряд Балахонова до апреля 1942 года (до момента гибели его командира) входил в состав «гарнизона Павловского», затем действовал самостоятельно.

³ Химичев И. В борьбе и тревоге. Минск, «Беларусь», 1977. С. 85.

Оружие доставали из окрестных водоёмов, болот, колодез, искали на местах прошедших боёв. Один из местных жителей взялся за ремонт винтовок и карабинов.

Храпко наладил бесперебойную связь с Павловским, Швяжковым, а также с Ливенцевым, который командовал отрядом, стоявшим в деревне Булков.

Начальник штаба Сыроквашин организовал бдительное несение караульной службы, обучение бойцов отряда тактике ведения партизанской войны. Тактика, считал Сергей Васильевич, проста: наносить удар по врагу там, где он этого меньше всего ожидает, и лучше делать это ночью. Действовать малыми группами и в полной секретности, предусмотрев пути возможного отхода.

На должности командиров взводов и отделений были поставлены бывшие военнослужащие. Политруками стали доверенные партийные работники.⁴

---

⁴ В феврале 1942 г. было избрано партбюро: Н.Б. Храпко, В.Е. Голодов, М.Г. Гутковский (секретарь), А.Д. Глинский (зам. секретаря), М.С. Линчук, В.А. Щербич. В апреле 1942 г. была оформлена и комсомольская организация. Членами бюро комсомола стали: Алексей Харламов, Николай Татур, Николай Фалецкий и Наум Майдель.

Затем стали налаживать дисциплину, она у партизан должна быть не ниже, чем в Красной Армии. Каждый боец должен понимать, что партизанский отряд это тоже регулярная часть Красной Армии, только действующая во вражеском тылу.

КУРС МОЛОДОГО ПАРТИЗАНА

Сыроквашин прекрасно понимал, что простой народ любит конкретность, а не общие разговоры, и потому простым и доходчивым языком «вводил» бойцов в проблемные ситуации и также «выводил» из них.

«...Идёшь ты на задание, и вдруг заметил фрицев! Их много, и тебе ясно, что один ты их не уничтожишь и, ввязавшись в бой, не выполнишь своё задание. Твои действия?»

Выслушав различные мнения, собрав воедино «предложения», Сыроквашин, как бы именно из этих предложений, делает вывод:

«Итак, заметив приближение фрицев, надо, как вы правильно подсказываете, спрятаться и ничем не выдавать своего присутствия. Затем незаметно оторваться от противника и, не отходить прямо к отряду, а маневрами, скрывая истинное направление своего перемещения, срочно явиться в отряд. И потом выполнять своё задание, если только в связи с изменившейся обстановкой не получите новое».

Спустя некоторое время Сыроквашин вводит бойцов в новые ситуации:

«...Закончил ты бой. Ты живой, вокруг тебя лежат фрицы. Что надо теперь делать? Быстро обыщи трупы, заведи все документы, письма. Если не сможешь унести оружие с собой, спрячь его где-нибудь в укромном месте. Осмотри в районе столкновения местность — не выбросили ли они перед боем какие-либо документы. Трупы замаскируй, следы боя «замети»: этим ты выиграешь время и затруднишь фашистам розыски своих солдат и преследование тебя. И — чеши с места боя, да как можно побыстрее».

«Послал тебя в разведку. Вошел в деревню. Иди сразу либо к хорошо знакомому и надёжному человеку, либо, что еще лучше, к нашему связному. Но если таковых нет, то проявляй максимум осторожности: убедись, что в деревне нет фрицев или полицеев. К избам

подходи с той стороны, где находятся хозяйственные постройки, дворы, сады, огороды. Входя в избу, имей наготове гранату, дверь за собой плотно не закрывай. Если в доме есть люди, вызови сначала хозяина и опроси его; при этом становись так, чтобы тебя не обстреляли из окон или дверей. Из деревни выходи в противоположную сторону твоего дальнейшего движения».

Бывший пограничник, старший лейтенант, а теперь командир партизанского взвода, Владимир Митялин тренирует группу партизан за казармой, в лесу. Вот он то припадает к земле, то делает короткую перебежку, падает справа от куста, перекачивается немного в сторону, и теперь его винтовка чуть высовывается с левой стороны куста... Встаёт и начинает обсуждать с бойцами, почему от «так» себя вел:

«...Прежде, чем сделать перебежку под огнем противника, я заранее выбрал на местности ближайшее укрытие: бугорок, кустик, камень, яму, канаву или воронку от снаряда. Перебежать надо как можно быстрее и тут же камнем падать на землю — но не у самого намеченного нового укрытия, а немного в стороне, к укрытию потом переползешь незаметно. Если бы я сразу спрятался за укрытие, то меня могли заметить и поразить выстрелом, как только я вновь поднялся. Вообще, надо стараться чаще менять огневую позицию. Перебежки делать стремительно, не более пяти секунд. За это время в тебя не успеют прицелиться и выстрелить».

В углу казармы старшина Владимир Дорогавцев обучает четверых партизан наматыванию портянок:

«...Помни портянку в руках, чтобы она стала мягче, расстели на ровном месте и поставь на нее ногу близ одного края. Возьми правой рукой передний уголок короткого конца портянки и оберни им стопу сверху, подсунув уголок портянки под ногу. После этого натяни длинный конец портянки одной рукой, передай ее в другую руку и так постепенно обертывай ногу, тщательно расправляя складки на подъеме стопы и на подошве. Обернув стопу, подошву и пятку, натяни свободный конец портянки вверх вдоль голени. Потом задним концом портянки оберни голени... А вот у тебя ботинки. Ну, так концы портянок должны выходить из ботинка и прижиматься к ноге обмотками».

После портянок Владимир объясняет достоинства винтовки:

«...Винтовка не хуже автомата, а в некоторых случаях и лучше. В автоматах уменьшена мощность порохового заряда, чтобы отдача-перезарядка не разбила скользящий затвор, отсюда у него и меньшая, по

сравнению с винтовкой, прицельная дальность. На близких дистанциях автомат незаменим. Но нам, партизанам, желательно находиться на большой дистанции от врага. Вот тут винтовочка незаменима. Да и результат прицельной одиночной стрельбы из винтовки намного лучше. Автомат отыгрывается за счет большой скорострельности – но это, милые мои, требует и патронов много».

Была еще и духовная составляющая подготовки к предстоящим боям. О ней позаботился Голодов с коммунистами и комсомольцами.

Пришли бойцы на завтрак. А в столовой стены чисто выбелены, дощатый пол вымыт, в левой половине – столы со скамьями по обе стороны, справа – кухня. Там заправлял повар Михаил Кольтракт со своей «бабьей дружиной» – Марией Мясук, Ниной Гердий, Соней Абрамович – бывшими бобруйскими подпольщицами. В дымящихся мисках гороховый суп и кашу с мясом разносят. Завтрак был, по тем временам, просто сказочный – из спасенных в Барбарово запасов.

В казарме вдоль стен устроены нары, от них пахло живицей, как в сосновом лесу. У большого окна радист с наушниками и листом бумаги – записывает сводку.

Прислушаемся, и услышим голос бывшего учителя русского языка Наума Майделя. Он постоянно кого-либо декламирует. Там, где читает стихи Майдель, всегда тихо. Учитель знает когда и что надо прочитать. Сегодня – стихотворение Некрасова «Внимая ужасам войны».

*Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Один я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...*

А если подойдет человек с аккуратно подстриженной бородкой – также бывший учитель, Александр Данилович Глинский, – так непременно воскликнет:

– Что носы повесили? А ну-ка песню!

И раздастся бас, «под Шаляпина»:

*Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость и горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели...*

А заиграет гармонист плясовую, так парни вытаскают из кухни девчат, и пошли плясать по кругу. Гармонисту помогают: кто хлопками в ладоши, кто свистом. Оглушительный хохот, топот сотрясали стены казармы.

Иногда в казарму входили, широко улыбаясь, командир Храпко, комиссар Голодов и начштаба Сыроквашин. Не было такого случая, чтобы Сыроквашин выдержал, не пустился в пляс...

Вот только потом, после плясок, хлопцы не очень спешили помогать «прогулявшимся» девчатам чистить картошку.

...А если в уголке вместе соберутся бывшие учителя Майдель и Глинский, так и жди диспута на тему типа: «А как повели бы себя в этой войне братья Карамазовы?» Алексей – точно пошёл бы в партизаны? Смердюков – этот был бы на «той» стороне. Дмитрий...»

Окружив плотным кольцом Марию Масюк, местные женщины слушают рассказ о перипетиях подпольной жизни в Бобруйске. В белой папаше, в коротком, подпоясанном красноармейским ремнем полушубке, с пистолетом на правом боку и карабином на плече, Мария производила сильное впечатление: с неё можно было писать образ советской женщины-воительницы, вставшей на защиту Отчизны.

И скоро оккупанты будут докладывать своему начальству в Берлине: «бандиты» довольно хорошо владеют искусством ведения разведки и боя, их этому обучают специальные инструкторы, пришедшие из-за линии фронта.

Нет, не надо было «спецам» приходиться из-за линии фронта, их хватало на месте.

Итак, отряд готовился к боям. А я, автор, готовлюсь к описанию этих боёв. И здесь хочу кое о чём предупредить читателей.

Описывать бой, в котором участвуют несколько самостоятельных групп или отрядов – довольно неблагоприятное де-

ло. Ибо, прочитав описание боя, почти каждый его участник скажет: да не так это было... а было вот так.

Лучше будет, представлялось мне, если предложить самим участникам боёв рассказывать *друг другу* как это происходило «на самом деле», а мне – протоколировать. Но каково было моё изумление, когда сам Ливенцев Виктор Ильич, активный участник нескольких боёв «моего» отряда, Герой Советского Союза, автор книги «Партизанский край», прочитав рукопись моей книги, стал вдруг сокрушаться:

– Анатолий! Самым трудным для меня, как автора, было встречаться с теми, кто вместе со мной участвовал в одних и тех же боях. *«Да не так это было, Виктор! Я хорошо помню, что было вот так...то»* – то и дело перебивали они меня. Если подключался ещё один человек, то он, бывает, опровергал и меня и моего «оппонента». В общем, одно и то же событие, увиденное с разных точек на местности, и, главное, разными людьми, оценивается по-разному. И чем больше временной интервал, отделяющий нас от того события, тем дальше друг от друга эти точки зрения.

Сказал вот так Виктор Ильич и, указав на строки в моей рукописи, добавил: «Вот это место... Да не так это было...»

Конечно, я «это место» подправлял... А как быть дальше?

«Будь, как будет! От себя – ни слова. – Вот моё твёрдое решение. – Пусть говорят сами участники событий. Схему боя буду давать четко: такие-то участвовали, так начиналось, так закончилось, и затем эту схему буду наполнять эпизодами из рассказов участников событий – каждый за себя».

ЗАРЕКУШСКИЙ БОЙ

В январе 1942 года на территории Октябрьского, Глуского и Паричского районов действовали партизанские отряды Павловского, Шваякова, Ливенцева, Храпко, Губина и Шантаря. Их действия координировал Октябрьский подпольный райком партии, возглавляемый Фёдором Павловским.

Оккупанты не знали количества партизан, их вооружения, и потому решили просто *блокировать весь район* и уничтожить всех, кто попадёт в сети.

20 января 1942 связные сообщили: немцы готовят карательную экспедицию против партизан, и на днях они будут

следовать по маршруту Глуск-Бояново-Косаричи-Холопеничи и далее на Рудобелку.

24 января связной отряда житель Бояново Марк Богомья сообщил, что немцы уже в Бояново – на 70 подводах, числом примерно около трёхсот человек.

Храпко передал это сообщение Павловскому, и тот срочно созвал совет командиров «гарнизона Павловского» – разрабатывать план разгрома непрошенных гостей.

В начале февраля оккупанты приступили к активным действиям. Начали с деревни Зарекуша-Косаричи.

Есть за рекой Птичь две соседние деревушки – Зарекуша и Косаричи. Во время коллективизации обе деревни были вовлечены в один колхоз и их теперь не разделяли, даже названия объединяли: «Зарекуша-Косаричи».

Оккупанты то и дело наведывались сюда: отбирали у жителей продукты питания и тёплую одежду. От такой жизни часть жителей ушла в партизаны, другие обосновались в лесу. Те, кто остался, также ничего хорошего от оккупантов не ожидали.

Начало февраля 1942 года было необычайно суровым: сильные ветры, жгучие морозы, метели и вьюги. Точно по поговорке: вьюги да метели под февраль налетели.

Открытая всем ветрам, дорога то петляла среди сугробов, то стелилась прямой белой лентой. Около трёх часов утра отряд Храпко подошел незаметно к Холопеничам, разделился на две группы, первая – под командованием Храпко – осталась на месте и сделала засаду (на случай, если оккупанты пойдут на Холопеничи), вторая – с комиссаром Голодовым во главе – пошла к Зарекуше-Косаричам.

Прибыв на место около четырех часов утра (5-го февраля 1942 г.), группа Голодова разделилась:

отделение Филимонова расположилось в засаде на деревенском кладбище, отсюда хорошо видна окраина деревни, надо будет выждать, когда оккупанты вытянутся между лесом и деревней, и затем открыть огонь;

отделение Коншина заняло позицию на окраине деревни;

пулемётный расчёт (Инюточкин и Миронов) установил ручной пулемёт возле крайней хаты с левой стороны дороги, ведущей к лесу, по которой должны прибыть немцы.

Голодов, Дорогавцев, Шуев и Жаровский расположились с правой стороны дороги – в сарае, откуда сквозь широкие щели между бревнами можно было наблюдать за противником и вести обстрел, благо, все прилегающее пространство открытое.

Деревня стала просыпаться, хозяйки затопили печи.

По просьбе Голодова жильцы крайних хат оставили свои очаги и ушли в глубь Косарич.

Немцы появились, когда уже хорошо рассвело. Они ехали со стороны леса на двух санных повозках. Остановившись на развилке дорог, о

чем-то совещаются. Ясно, это лишь разведка.

К разведчикам подкатили еще несколько саней. И скоро уже весь карательный отряд в человек сорок (по пять-шесть человек на санях) стал приближаться к деревне.

Голодов ждёт: вот-вот Филимонов с группой начнёт стрелять со стороны кладбища по вытянувшемуся на дороге противнику. Однако, тихо.

Сани продолжают приближаться к деревне.

«Почему Филимонов молчит?» – недоумевал комиссар Голодов, наблюдая из сарая за приближающимся противником.

Подпустив карателей на 40–50 метров, Инюточкин открыл огонь. Немцы, не ожидавшие засады, растерялись, заматались. Это замешательство дорого им стоило: около десятка тёмных фигур остались лежать на снегу.

Наконец-то раздались выстрелы группы Филимонова со стороны кладбища.

Оккупанты залегли.

Когда немцы начали минометный обстрел кладбища, застрочил из засады Голодов с товарищами. Тогда немцы бросились в атаку в сторону сарая.

С кладбища, отсекая наступающих от сарая, застрочил пулемёт филимоновцев. На заснеженной земле зачернели бугорки неподвижных тел.

Теперь всю силу своего огня немцы перенесли на отделение Филимонова. Под прикрытием огня минометов они стали приближаться к кладбищу. Четверо партизан из группы Филимонова были убиты. Создалась угроза окружения. Маскируясь густыми зарослями кустарника, Филимонов с бойцами начал отходить. Когда немцы овладели кладбищем, партизан там уже не было.

Преследуя отступающих, гитлеровцы по кустарнику добрались близко к деревне и снова начали обстрел сарая.

В сложившейся ситуации Голодов принял решение: немедленно покинуть уже ставшее ненадежным укрытие и до прибытия основных сил вести бой в Зарекуше.

Отход группы Голодова стал прикрывать пулемёт Инюточкина. Но только группа оторвалась от преследователей, как пулемёт вдруг замолк.

«Что случилось? Неужели погибли?» – тревожился Голодов.

...Произошло заклинивание диска пулемёта. А пути отхода пулемётчикам немцы уже отрезали. Правда, сами немцы предполагали, что партизанские пулемётчики ушли с оторвавшейся от преследования группой.

Инюточкин и его напарник Миронов перебрались на чердак хаты, ближайшей к сараю. Противник этот маневр пулемётчиков не заметил.

Не видел пулемётчиков и хозяин хаты Макар Каспирович. Он с внуком Федей уже собирался покинуть хату, как ворвался унтер-офицер.

– О-о-о! Партизанен?

– Партизан нет, – развел руками старик.

Гитлеровец рукояткой пистолета нанёс сильный удар по плечу старику.

– Не бей деда! – крикнул внук.

Унтер-офицер вскинул пистолет и выстрелил в мальчика.

– А-а-а! – застонал старик. – За что же ты убил его, ирод?!

Каспирович левой рукой перехватил правую руку убийцы, своей правой выхватил финку из чехла, висевшего у того на ремне, и вонзил её в грудь палача. Затем подхватил упавший

пистолет и тут же выстрелил из него в солдата с винтовкой, вскочившего в избу.

Группа Голодова и бойцы Филимонова отошли в глубь Косарич и приступили к организации обороны на окраине деревни.

Немцы ворвались в Зарекушу, стали поджигать дома, убивать жителей, не щадя ни стариков, ни детей.

Как только Храпко доложили о сложившейся обстановке, он послал связного к Шантарю (отряд Шантаря находился поблизости) с просьбой о помощи, а сам со своей группой поспешил к Зарекуше-Косаричам.

Попытка с ходу атаковать немцев, успевших хорошо укрепиться в Зарекуше, окончилась неудачей: от дома, стоявшего на повороте дороги в самом конце деревни – теперь это был своего рода «дзот», – немцы вели почти непрерывный минометно-пулемётный обстрел дороги и единственного деревянного мостика, соединявшего Зарекушу и Косаричи.

Храпко посоветовался с командирами. Решили: чего бы то ни стоило, а надо выбить немцев до наступления темноты. Для подавления «дзота» была выделена группа партизан. Бойцы перешли по льду через ручей, зашли «дзоту» в тыл и забросали его гранатами.

С первыми же взрывами гранат бросилась в атаку основная группа партизан.

И почти одновременно вступил в бой прибывший со стороны Холопенич отряд Шантаря.

Не выдержав напора партизан, лишённые своей огневой поддержки каратели стали отступать, и на какое-то время столпились как раз вблизи дома, на чердаке которого затаились Инюточкин и Миронов, уже устранившие неисправность пулемёта и поджидавшие удобного случая присоединиться к отряду. А тут такая удача!.. Каратели попали под уничтожающий огонь партизанского пулемёта.

Вдруг пулемётчики услышали, что кто-то стреляет по немцам из-под них, то есть из хаты. Миронов спрыгнул в сени, бросился в хату и увидел на полу двух убитых немцев (офицера и солдата) и тело мальчика, а у разбитого окна стоял на коленях старик и стрелял из винтовки в карателей, что метались по улице под пулемётным огнём.

До поздней ночи партизаны помогали местным жителям тушить пожары, разбирать награбленное карателями имущество. Возле одного из домов, куда свезли убитых, стояли стон и плач. Это женщины голосили и причитали по своим родным и близким.

Принёс своего внука Федю и старик Каспирович.

«Прости, внучек! Не уберег я тебя от злодея, – сказал старик. – Я уйду в партизаны. Долг большой мне надо вернуть этим зверям!»

И стал рыдать старик.

Их лежало двенадцать человек – мужчин, женщин и детей. Тела их были изуродованы: каратели зверски надругались над своими жертвами.

Перед собравшимися партизанами и крестьянами выступил комиссар Голодов:

– Всё может родная земля – накормить хлебом, напоить водой, показать свою красоту. Вот только защитить себя не может. Мы – её дети, и каждый из нас должен защитить ее. Всех, кто способен носить оружие и кто хочет бить гитлеровских бандюг, мы зовем в наши ряды.

Прозвучал трехкратный прощальный залп. Погибших партизан и жителей похоронили в одной могиле.

Это был первый серьезный бой отряда Храпко. Ведь некоторые из партизан до этого в своей жизни ни разу не стреляли. Нелегко далась им эта победа, но она укрепила их веру в свои силы.

Только убитыми немцы потеряли 52-х солдат и офицеров, много было раненых. Погибли и 18 ездовых лошадей.

ЧЁРНЫЕ БРОДЫ. ПУШКИ

В отряде появился новичок – бывший командир артиллерийской батареи Иосиф Тасминский, «окруженец». Он скрывался у родных в деревне Згода, поправляясь после контузии и болезни, и искал связи с партизанами, не зная того, что те уже давно ведут за ним наблюдение.

И когда Храпко убедился, что лейтенант не только не пытается связаться с полицией, но и готов вот-вот покинуть своё убежище, чтобы идти через линию фронта, то поручил своему человеку в стане врага, бургомистру Берёзовки Терентию Хланю, привести лейтенанта в отряд.

Тасминского представлять не надо было. Почти половина партизан (а всего в отряде 27 человек) его знали по прежней службе в армии. Начальник штаба Сыроквашин, командир взвода Коншин и еще трое бойцов – из его родной 121-й стрелковой дивизии. А Гаврев, так тот вообще из батареи Тасминского – командир взвода; они расстались под Слуцком, после ранения Гаврева.

– Ну, не буду вас спрашивать-допрашивать, – приветливо отмахнулся Храпко, когда Тасминский было изговорилося рассказать о себе. – Рассказывали мне уже о вас. Отличные рекомендации!.. В общем, мы тут уже посоветовались и решили поставить вас командиром отделения. И первое задание есть. Но об этом завтра. А сейчас отдыхайте, осматривайтесь. А вот, кстати, Сыроквашин освободелся.

Сыроквашин и Тасминский расположились в углу казармы и стали вспоминать: что, как и где было...

– Сергей, – спросил Тасминский Сыроквашина, – куда ты подевался после того, как я тебя видел на третий день войны под Барановичами? Тогда ты что-то показывал командиру нашего полка на карте.

– Иосиф, я едва ли что расскажу для тебя нового. На второй день войны я был назначен начальником разведки дивизии. На третий день, когда ты меня видел, я собирал от командиров противоречивые сведения о местонахождении частей нашей дивизии. А на четвертый день – у деревни Дарево, что под Барановичами – я был ранен в трёх местах... Довезли меня до станции Мошны и там оставили жителю Петру Алексеевичу Храпко для излечения. Немного поправившись, установил я контакт с партизанами Павловского. Узнав, что я служил перед войной в Бобруйске, Павловский отправил меня туда для установления связи с подпольщиками. Ибо костяк подпольщиков составляли бывшие военнослужащие Бобруйского гарнизона. А тут оказалось, что подпольщики в то же время искали партизан. В Бобруйске связался я с подпольной группой Виктора Ливенцева и стал выполнять его задания. А затем, в декабре, когда над нами нависла угроза провала, ушёл вместе с Сергеем Коншиным, старшим сержантом, командиром взвода разведки нашей дивизии, на станцию Мошны, чтобы вступить в отряд. Здесь уже был Химичев со своей группой подпольщиков. А в начале января меня назначили начальником штаба отряда.

– Да, Сергей, так в чем суть того, что мне предстоит завтра, если знаешь?

– От жителей деревни Чёрные Броды нам стало известно, что там, на краю деревни, лежат две изуродованные пушки, «сорокопятки». Ну и захотелось нашему командиру погремать пушкой. Намерен он из двух собрать хотя бы одну. Я объяснял ему, что в наших условиях надо нападать внезапно, вести незатяжной бой, и так же внезапно уходить. Так что пушка будет мешать маневренности... Храпко понял меня, но по-мужички хочет иметь всё про запас. Ну, что ж, если получится, пусть будет. Спрячем до поры, до времени. А там, смотришь, и пустим в дело.

Еще затемно пятеро партизан – Иосиф Тасминский (командир группы), Геннадий Гаврев, Борис Корн, Иван Петров и Яков Романов (пулемётчик) – выехали на санях из Колбика в сторону Чёрных Брод.

Пока пробираются через лесные чащи, есть о чем поговорить Тасминскому и Гавреву...

– Иосиф, расскажи, что было дальше с батареей после того, как ты меня, раненого, отправил в медсанбат. Ведь никого из батарейцев я за полгода не встретил, – не терпелось узнать Гавреву.

– Как можно было встретить их, если почти все погибли. У меня на глазах... После боя под Слуцком мы отступили к Бобруйску. Но в город не заходили, а зацепились за плацдарм у Щатково. Но устоять не смогли: куда там, если прёт такая армада, а у нас снаряды на исходе, да и тягловые лошади перебиты. Из пятидесяти девяти человек осталось только трое батарейцев: я и сержанты Гусев и Сердюк. Перебрались через Березину, и под Ново-Быховым «батарея» приняла последний бой с танками. Сержанты были ранены – и я отправил их в медсанбат. А сам был вскоре контужен в поединке с танком.

Через неделю, едва живой (сказывались контузия и воспаление лёгких – я сильно простудился, перебираясь через Березину), добрался до Слободки, что под Бобруйском. Там меня добрые люди – Марфа Максимовна Ананкевич и ее племянница Мария Болбас – накормили и подсказали, как безопасно пройти к Устерхам, моей родной деревне... Лежал, лечился, выздоровел. И вот я здесь... А теперь твоя, Геннадий, очередь.

Расскажи, где ты пропал, как оказался в Бобруйском подполье, а затем в отряде?

– Я был ранен в плечо. Через четыре дня доставили меня в бобруйскую больницу, сделали операцию. А ночью среди раненых прошёл слух, что немецкие танки близко подошли к городу... Утром прикатили две санитарные машины. Но увезли только тяжело раненых. Остальные – кто мог как-то передвигаться – ждали ещё машин. Машин мы не дождались. А днем в город ворвались немцы. Мы, раненые, разбежались кто куда. Я побежал к дому Сони Абрамович, моей невесты (не успели мы с ней пожениться!), что на Пушкинской улице. Недалеко от того дома группа красноармейцев отбивалась от наседавших немцев. Прямо перед собой увидел убитого нашего пулемётчика, рядом с ним – пулемёт. Лёг я за пулемёт и стал бить длинными очередями. Уложил с десятков фрицев! Но они все равно пёрли. Увидев, что силы не равны, приказал бойцам отходить, а сам остался прикрывать их отход... А тут к моей старой ране, в плечо, прибавилась новая – в правую ногу. Силы стали покидать меня. Немцы, решив, что пулемётчик убит, прекратили стрельбу.

Волоча за собой пулемёт, подполз я к ближайшему дому. К счастью, из дома выскочил подросток и с огромными усилиями затащил меня в сарай, за штабель дров. Несколько позже я попросил этого паренька (это был Женя Щигельский) сообщить обо мне Соне Абрамович.

Уже в сумерках Женя привел Соню.

Состояние моё было неважное. Грозилась гангрена. Помогла Мария Аноденко, местная фельдшерица – обработала раны, сделала укол камфары, и потом навещала меня ежедневно.

Провалялся в постели больше месяца, и после выздоровления решил пройтись по городу, сориентироваться: что, где и как. Увидел истерзанный огнём и металлом город. Горожан почти не видно. В основном немецкие солдаты расхаживали.

Утомился – давно я столько не передвигался – в скверике присел на скамью. Задумался.

И тут ко мне подошёл выше среднего роста, стройный, со светло-русскими волосами парень лет двадцати пяти, плюхнулся рядом на скамью, выдохнул: «Фу ты, черт, как жарко», – вытер лоб носовым платком и тут же нарочито спросил: «Скажите, вы давно живете в этом городе?»

Я понял, что тот хочет втянуть меня в разговор, и, на всякий случай, промолчал. «Ну, что ж, бывает, – сказал парень, – тебе хочется поговорить, а вот с тобой-то и не желают».

Слово к слову – разговорились, познакомились. Узнал: зовут его Голодов Василий Емельянович, работает курьером на бирже труда. Голодов посоветовал мне как можно быстрее трудоустроиться и получить надлежащие для нынешней ситуации документы, обещал организовать мне встречу с помощником шефа биржи труда.

И вот я в кабинете помощника шефа биржи – Колесникова Андрея Кузьмича – по поводу работы. Рассказал ему свою вымышленную биографию, закончив так: «А теперь мне нужна работа. Хочу доказать свою лояльность к новой власти».

Стал я учетчиком рабочей силы.

Через несколько дней Колесников вызвал меня к себе в кабинет. Он явно был чем-то взволнован. «Вот что, Гаврев. Прежде чем дать вам важное поручение, я должен знать, кому доверяю. Расскажите о себе начистоту, только без выдумок. Но прежде я расскажу о себе».

...Колесников до войны работал инженером на железной дороге в Белостоке. Началась война – эвакуировался. Но недалеко от Бобруйска эшелон был разбит. Жена погибла, сам он был ранен. Нашлись добрые люди – выходили. Затем он по собственной инициативе создал в Бобруйске подпольную группу. А чтобы быть ближе к оккупантам, устроился работать помощником шефа биржи труда. Используя открывшиеся перед ним возможности, теперь он внедряет нужных людей в учреждения оккупантов, обеспечивает подпольщиков необходимыми документами, хлебными и продуктовыми карточками...

Тогда и я рассказал всё о себе. Так я стал подпольщиком.

Среди подпольщиков встретил немало сослуживцев по дивизии. А однажды пришел ко мне, на квартиру Сони Абрамович, Серёга Сыроквашин...

– Тиррр, приехали! – Петров остановил коней на опушке леса.

Стали наблюдать. Из печных труб деревни Чёрные Броды вихрились столбы дыма, слышался лай собак и людские голоса. На отшибе, поближе, стояла небольшая хата. Петров, маскируясь кустарником, двинулся к ней, вскоре вернулся, сообщил: хозяин – его знакомый – сказал, что немцев и полицаев в деревне нет.

Въехали в деревню. У крайней хаты, словно из-под земли, вырос рослый парень с автоматом в руках, прогудел густым басом:

– Стой! Кто такие?

– Мы – партизаны, – ответил Иван Петров. – Из отряда Храпко. А ты кто?

– Разведчик из отряда Губина.

Из-за угла вышли ещё двое вооружённых.

– Хлопцы, где тут пушки? – спросил Тасминский.

– На окраине деревни, – ответил рослый парень. И тут же продолжил: – Да какие там, к чёрту, пушки – один металлолом. Поехали – покажу!

Под навесом стояли две «сорокопятки» с развороченными стволами.

– Да-а, – огорчился Гаврев, – выходит, зря приехали.

Решили возвращаться в отряд.

Уже подходили к саям, уже увидели бежавшего пожилого человека, который часто оглядывался назад:

– Сынки, немцы!.. Я собирал хворост и вдруг увидел их: едут на саях. Сюда...

Партизаны стали готовиться к бою. Романов

залёг с ручным пулемётом около пушек. Подбежали и те двое из отряда Губина...

Вскоре из леса стали выезжать сани: двое, трое... – всего пятнадцать. Слишком много!

Когда саям до деревни оставалось метров сто, Тасминский подал команду: «Огонь!»

Романов длинной очередью сыпнул по обозу. Остальные ударили из винтовок. Несколько гитлеровцев свалились с саней, уткнулись лицом в снег, остальные бросились врассыпную, залегли и открыли ответный огонь.

По интенсивности пулемётно-ружейного огня офицер уже определил, что партизан здесь лишь небольшая группа, и поднял своих солдат в атаку.

Романов тут же очередью скосил нескольких из первой цепи. Офицер, стреляя из пистолета, бежал зигзагами. Борис Корн прицелился в него из снайперской винтовки и нажал

спусковой крючок. Офицер пробежал по инерции несколько шагов и зарылся лицом в снег.

Потеряв командира, солдаты повернули назад, вскочили в сани и умчались.

ОЗЕМЛЯНСКИЙ БОЙ

Немцы решили восстановить движение по железной дороге Бобруйск-Рабкор, участок которой, Брожа-Рабкор, был партизанами Бумажкова и Павловского уничтожен ещё в самом начале войны. В деревню Оземля прибыла карательная экспедиция с задачей очистить от партизан прилегающий к железной дороге район.

От связных Храпко узнал о намерениях оккупантов и стал готовиться к встрече с неприятелем.

6-го марта 1942 года отряд направился к железной дороге. Храпко с Ливенцевым, командиром соседнего отряда, провели рекогносцировку. Договорились, что Ливенцев, имевший в своём «арсенале» 45-мм пушку, встретит карателей на основном направлении, а храпковцы – с правой и с левой сторон железнодорожного полотна. Таким образом, каратели попадут одновременно под лобовой пушечный удар и боковой, фланговый, огонь из стрелкового оружия.

Итак, в центре – отряд Ливенцева, которому Храпко придал взвод Митялина с пулемётом, на левом фланге – взвод Коншина, на правом – взвод Жаровского с двумя ручными пулемётами.

Начальник разведки Линчук доложил: каратели вышли из Оземли.

Около получаса ждали партизаны «гостей», всматриваясь в лежащее впереди заснеженное торфяное болото.

На железнодорожной насыпи появились вражеские разведчики, остановились, о чем-то поспорили, то и дело указывая в сторону дороги. Затем один из них скрылся в лесу, и вскоре привёл к насыпи низкорослого офицера. Через бинокль офицер долго всматривался как раз в то место, где была замаскирована партизанская пушка...

Наконец, офицер подал знак рукой, и из леса вышла и пошла вдоль полотна колонна солдат.

Выстрел «сорокопядки», пулемётные и автоматные очереди и винтовочный огонь раздались почти одновременно. Первые ряды колонны скошены.

Немцы залегли и повели ответный огонь.

В этом бою партизаны хотели применить известный тактический прием: экономя патроны, лениво отвечать и, затянув перестрелку, выждать, пока враг израсходует свои боеприпасы, а потом мощным ударом в центре и на флангах смять его.

Но немцы, как видно, попались стреляные. Зарывшись в снег, они сами вели скупой, но прицельный огонь.

Прошло около часа вот такой, «ленивой», перестрелки,

как над полем боя появился самолёт-корректировщик, «рама». Самолёт кружил над позициями партизан, над своими позициями – и скрылся за кромкой леса.

Из армейского опыта «окруженцы» знали: появилась «рама» – жди беды. Так оно и случилось. Вскоре в

тылу партизан со стороны Булково и Залесья послышалась автоматная стрельба: вызванные «рамой» лыжники-автоматчики обстреляли Булково и Залесье. «И, возможно, окружают?»

Однако продолжать дальше наступление на партизан лыжники не решились, а в метрах двухстах укрылись в лесу, организовав что-то вроде засады. Очевидно, надеялись в решающий момент поддержать своих с тыла.

Начни немцы одновременную атаку в лоб и на флангах, партизанам пришлось бы туго. Но всё произошло иначе, по партизанскому сценарию. К Храпко и Шваякову подоспела подмога.

Партизаны отряда Павловского во главе с комиссаром Маханько незамеченными шли по пятам лыжников-автоматчиков, и когда те начали устраниваться на деревьях, перестреляли добрую половину «кукушек».

Храпко поднял отряд в атаку.

Первым, увлекая за собой товарищей, бросился к насыпи командир взвода Сергей Коншин. Но, пробежав несколько

метров, Сергей вдруг широко раскинул руки и упал лицом в снег.

Схватился за грудь и стал медленно оседать на снег бежавший недалеко от Коншина политрук Борис Пигулевский.

...Немцы, не выдержав натиска, перебежали на другую сторону железнодорожного полотна, и оттуда плотным огнем вынудили партизан залечь.

Храпковцы, усиленные группой Маханько, ждали подхода отряда Ливенцева, и потому пока продолжали придерживаться своей прежней тактики: с удобной позиции на насыпи вели только прицельный огонь.

Один из партизан метнулся к лежащему неподвижно на снегу немецкому офицеру.

– Зайцев, назад! – крикнул вслед бойцу Митялин.

Но Михаил Зайцев уже подполз к убитому, вытащил документы и, выхватив из кобуры парабеллум, пригибаясь, побежал обратно. И тут же завалился на правый бок.

– Ну, гады! – не выдержал партизан Дыченко.

И пока Зайцев отползал, оставляя за собой кровавый след, Дыченко, привстав на колено, яростно посылал в немцев пулю за пулей. Но и его прошила автоматная очередь.

Над лесом снова появился корректировщик. «Возможно, он выследил шедших сюда партизан Ливенцева, и теперь предупреждает своих?»

Улучив момент, когда самолет, снизившись, пролетал над храпковцами на бреющем полете, Василий Кучугура дал несколько очередей из чешского пулемёта. Самолет накренился на правое, израненное, крыло и скрылся за лесом.

А вот и «отряд Виктора» – Ливенцева! Сам Ливенцев приложился к стволу сорокопятки – прямая наводка – и бабахнул.

Над полем боя пронеслось партизанское «ура!» Это храпковцы снова пошли в атаку.

Каратели дрогнули и, оставляя свои позиции, начали сбегаться к дороге, ведущей на Оземлю.

Один из снарядов «сорокопятки» угодил в скопление противника.

В этом бою было уничтожено более сотни гитлеровцев, и лишь немногим тогда удалось спастись.

Радость победы была омрачена гибелью трех товарищей: на санях везли Коншина, Пигулевского и Дыченко.

В этом бою медсестра отряда Шваякова Ася Котова вынесла из-под пуль врага пятерых раненых. Последним был сам командир – Устин Никитич Шваяков. Пуля угодила ему в правую руку, повредила кости предплечья.

Всю ночь стоял у погибших партизан почётный караул. Утром их похоронили со всеми почестями в братской могиле.

После Оземлянского боя отряд Храпко продолжал оставаться на старом месте. Отсюда были совершены несколько вылазок к магистралям и нападений из засад на несколько автоколонн и одиночных автомашин. Тем самым был пополнен арсенал отряда.

В отряде Храпко 70 человек (три взвода: Владимира Митялина, Романа Максимёнка⁵, Алексея Жаровского), на вооружении – 2 станковых пулемёта, 3 ручных пулемёта Дегтярева и 58 винтовок.

ПЕРЕКАЛЬСКИЙ БОЙ

Об этом бое после войны ветераны-партизаны вспоминали с особым чувством: отряд тогда был на волоске от гибели, но бдительность и храбрость командиров и бойцов в сочетании со взаимовыручкой соседних отрядов привели к сокрушительному разгрому врага.

Март 1942 года. Сильные морозы. Днем задували ветры, а по ночам бушевали снежные бури.

Оккупанты решили взять реванш за своё поражение в Заракуше и Оземле и в большой тайне подготовили большую карательную экспедицию против отряда Храпко. В экспедиции приняли участие отборные подразделения из Мозыря, Бобруйска, Парич и Глуска.

12 марта 1942 года. Вечер. Хутор Колбик.

Начальник штаба Сыроквашин вышел на крыльцо казармы. В лицо ударил свирепый и колючий ветер. По небу, низко клубясь, торопливо уползали на запад серые тучи.

«А я бы именно в такую погоду попытался бы напасть на противника», – подумал Сыроквашин. И содрогнулся от этой своей мысли: «А что, если и немцы думают так же?»

Подошёл к Храпко.

---

⁵ Максименок Роман Викторович – ст. лейтенант, за войну с белофиннами имел орден Красной Звезды. Он заменил погибшего Сергея Коншина.

– Командир! Непокойно у меня на сердце. Давай, усилим караул и выставим заслон в Перекалье. Если немцы пойдут, то, натолкнувшись на заслон, потеряют боевую инициативу, и мы успеем собраться. Без заслона – может быть беда.

Храпко пожимает плечами: дескать, кто же в такую погоду полезет?! Но, верный своему принципу доверять интуиции военных, махнул командир рукой: согласен, отдавай распоряжения.

Сильный порывистый ветер выдувал остатки тепла из казармы. На нарах, не раздевшись и не разувшись, плотно прижавшись друг к другу, спали бойцы.

Сыроквашин расшевелил спящего лейтенанта Сергейчика:

– Собирайся, пойдешь с отделением в Перекалье. Там устроишь заслон. Хотя немцев поблизости нет, но в такую погоду могут нагрянуть даже из дальнего гарнизона. В общем, ни на минуту, ни на секунду не забывай о бдительности.

Уже светало, когда боец Раджаб Гадымов заступил на пост в Перекалье.

Тугой снежный ветер налетал на деревушку. Холод был пронизывающий. Гадымов, укрывшись от ветра за углом хаты, ёжился, постукивал сапогом о сапог, грел дыханием застывающие пальцы. И, как наказывал лейтенант Сергейчик, ни на минуту не упускал из виду лес, что был в ста метрах.

Всё явственней различаются контуры леса.

Вдруг шевельнулись разлапистые кусты ельника. Гадымов прижался к стене хаты, не дышит, вглядывается: что это?

Из-за кустов показались несколько человек в белых масках халатах, за ними ещё и ещё...

«Ай! Да это же немцы!»

Гадымов вскинул винтовку – выстрел нарушил предутреннюю тишину, и эхом прокатился по деревушке.

Все отделение Сергейчика выскочило из хаты и заняло позиции для обороны. Сергейчик встревожился: карателей было слишком много! Более того, из-за сильного ветра со стороны казармы в Колбике – а это в полкилометре от Перекалье

– отряд может не услышать стрельбу. Тут же послал одного бойца верхом в Колбик.

Каратели начали обходить группу Сергейчика с левого фланга. Сергейчик метнулся к сараю, чтобы занять новую огневую позицию, но вдруг покачнулся, попытался за что-нибудь ухватиться и, широко раскинув руки, упал лицом в снег.

Гадымов кинулся к командиру. Сергейчик успел прошептать: «Раджаб, приказываю уходить». Боец Молокович поднял на руки Сергейчика, и отделение огородами, укрываясь за хатами, начало отходить к противоположному лесу, который тянулся до Колбика.

Увидев бегущих в полный рост немцев, Гадымов стал вести прицельный огонь из винтовки. Уложил троих – остальные залегли, открыли ответный огонь...

Сообщением примчавшегося из Перекаля бойца Храпко был потрясён: «Неужели, разведчики проморгали?»

Крепким предутренним сном ещё спали партизаны, как вдруг по казарме прогремело: «В ружьё! К бо-о-ю!»

Сыроквашин расставляет бойцов.

На левом фланге – взвод Михаила Максимёнка, его задача не допустить обхода отряда и теснить противника к деревне. В центре – взвод Александра Жаровского, он будет из-за валуна, что недалеко от караульного помещения, простреливать всё пространство вдоль улицы, со взводом будет комиссар Голодов. На правом фланге – взвод Митялина, он должен остановить карателей, если те огородами попытаются уйти в лес, с этим взводом будет сам Сыроквашин.

Храпко занял место на наблюдательном пункте.

Ездовые Резников и Ринберг быстро впрягли лошадей в сани со станковыми пулемётами.

Храпко в бинокль долго всматривается в Перекалье. Грохот отдалённого выстрела – и у караульного помещения взметнулся столб черного дыма.

«Пушка!.. Это уже совсем плохо».

Но что это? Сюда, к Колбику, из леса со стороны Перекаля идёт группа бойцов, они что-то несут тяжелое. ...Бойцы опустили на землю убитого лейтенанта Сергейчи-

ка. Молокович рассказал, при каких обстоятельствах тот погиб.

– Где Гадымов? – спросил Храпко.

– Он остался прикрывать нас.

«И, наверное, уже погиб», – подумал Храпко, но вслух этой своей мысли не высказал.

– Спасибо, хлопцы! Не дали вы им застать нас врасплох.

– Смотрите, кто-то бежит сюда! Не Гадымов ли?

В бинокль Храпко узнал Гадымова.

...Как только партизанский заслон прекратил стрельбу, немцы, немного выждав, бросились к деревушке. Гадымов вскочил во весь рост и сделал несколько выстрелов, свалив двух нападавших. Расходовав весь боезапас, Гадымов метнулся под прикрытие сарая, а оттуда со всех ног – вслед за ушедшими товарищами. Влетел в куст, залёг и затем, где ползком, где бегом, стал приближаться к Колбику.

Храпко обнял Гадымова:

– Ну, что там, Раджаб? Сколько их там?

– Товарищи камандыр, их там в десять раз больше, чем нас.

– Трудно нам будет, очень трудно! – Только и успел проговорить Храпко, как раздался крик:

– Немцы!

Противник колонной шёл по открытой местности из Перекаля к Колбику.

– По местам, – скомандовал Храпко и поспешил на наблюдательный пункт, устроенный в здании паровой мельницы. Сугубо штатский человек, Николай Борисович уже чётко усвоил, что командир в бою должен знать своё место – и оно не под пулями, а там, откуда безопасно можно руководить боем.

Голодов удивился беспечности немцев.

«Ну, как так можно, колонной (!) идти. Своего рода парад, а то и психическая атака времен Чапаева».

По-видимому, немцы плохо ориентировались в расположении партизанских позиций. Скорее всего, они просто посчитали, что рассеяли партизан у Перекаля, и теперь шли к Колбику добить оставшихся?

– Ну-ка, Борис, сними офицера, – обратился Голодов к Корну. Тот стал прилаживать снайперскую винтовку.

Выстрел! И офицер рухнул наземь.

Колонна рассыпалась и через полминуты превратилась в цепь. И эта цепь с гортанными криками бросилась в атаку.

Партизаны открыли плотный прицельный огонь. Поле густо покрывалось убитыми.

Каратели не выдержали, и стали беспорядочно отступать, уходя из-под партизанского огня.

Наступила тишина.

Храпко понимал, что немцы готовятся к новой атаке. Пока всё шло неплохо, но, обладая явным численным превосходством, каратели могут перехватить инициативу... «Надо либо отходить, либо выстоять до прихода помощи: из Мальна – отряда Шваякова (связной туда уже умчался) и из «гарнизона Павловского» – отряда Жулеги.

Разбившись на две группы, противник набросился на партизанские фланги.

По тому, как вызывающе «неуверенно» шел противник на левом фланге, Химичев догадался, что в этом был умысел: вынудить партизан пойти в контратаку на открытом пространстве.

Химичев приказал: не подниматься, не отвечать, и как только противник подошёл поближе, подал команду: вести прицельный огонь...

На правом крыле немцы шли в полный рост, цепь за цепью. Сквозь трескотню пулемётов и автоматов можно было услышать команды офицеров: «Фор-вертс! Фор-вертс!» («Вперед!»).

Когда первая вражеская цепь приблизилась к взводу Митялина на полтора метра, Сыроквашин подал команду: «Огонь!». И перед атакующими встала огненная стена: это «работали» пулемётчики Василий Кучугура, Николай Татур и Арон Хархурин.

Линия атакующих приблизилась на расстояние гранатного броска к партизанским позициям.

«Гранаты – к бою!» – скомандовал Сыроквашин...

Взрывы, пальба, отчаянные крики солдат, матерщина партизан.

Враг дрогнул, отходит – вначале как-будто организованно, а затем суетно. Но в этой суетности чувствуется всё-таки какой-то смысл...

Комсомольский вожак Алексей Харламов, видя убегающего противника, вскочил и с криком «ура!» побежал вдогонку. Но опытный Митялин уже сообразил, что в контратаку именно сейчас нельзя: противник имеет широкий сектор обстрела и из пулемётов и автоматов беспощадно истребит партизан, и потому, что есть мочи, крикнул:

– Наза-а-ад!

Харламов и те, кто последовали за ним, тут же залегли.

Храпко ждал: вот-вот подойдут на помощь отряды Шваякова и Жулеги.

Голодов, Дорогавцев, Жаровский находились в это время немного в стороне от основных сил отряда. С расстояния 70–80 метров они открыли фланговый огонь, отсекая карателей от опушки леса.

Каратели заставили местную жительницу с помощью впряженного вола выкатить орудие на стрельбу прямой наводкой: намеревались уничтожить партизанские пулемёты. Борис Корн, заняв выгодную позицию, из снайперской винтовки хладнокровно перебил весь расчёт пушки, а затем уложил и вола.

У партизан заканчивались боеприпасы! Ещё немного, и может наступить перелом в ходе боя – не в пользу партизан. Оценив складывающуюся обстановку, Сыроквашин предложил командиру отдать приказ на отход. Храпко согласился с доводами начштаба.

Прикрывать отход отряда вызвалось пулемётное отделение ещё совсем молодого парня, бывшего учителя, Николая Татура.

Минут через двадцать, после того, как Татуру с отделением удалось отбить очередную вражескую атаку, в лесу послышались глухие взрывы и стрельба. Это вступили в бой отряды Шваякова⁶ и Жулеги (от Павловского). И вовремя: у пулемётчиков закончились патроны.

---

⁶ Сам Шваяков У.Н. в бою не участвовал – он не оправился после ранения в озёрном бою. Его отряд привёл комиссар Михаил Семенович Левитан, который и

Теперь по карателям били с трёх сторон.

Противник понял, что партизаны обошли его с тыла, и с отчаянием бросился *на прорыв*. И в двух местах оборону партизан прорвал. На левом фланге – потому что у взвода Максименко кончились боеприпасы. То же случилось и на правом фланге: израсходовав все боеприпасы, взвод Митялина стал отступать в сторону Залесья.

Поочередно прикрывая друг друга огнём, взводы отряда Храпко отошли к Залесью и там заняли оборону. С храпковцами к Залесью отошел и отряд Шваякова. Отряд Жулуги оттянулся в Малын.

Но противник не решился развивать атаку, а повернул на Паричи.

В том, перекальском, бою каратели потеряли одного генерала – специалиста по борьбе с партизанами – и 106 солдат и офицеров. Трофей – 118 запряженных венгерскими лошадьми повозок с продуктами, боеприпасами и обмундированием, 3 ротные кухни и большое количество винтовок – разделили среди трех отрядов (Храпко, Шваякова, Жулуги).

Что можно сказать о партизанах в этом бою? Сражались храбро все бойцы. Победу обеспечили бдительность Раджаба Гадымова (да, усни часовой на посту или просто не прояви бдительность, и весь отряд мог погибнуть)⁷, мужество пулемётчика Татура, высокая дисциплина и взаимовыручка бойцов отряда. И, конечно, решающее слово в разгроме врага сказала взаимовыручка трёх отрядов.

О Сыроквашине отдельно. Помню, рассказывая о перекальском бое, мой отец, Гасминский Иосиф Игнатьевич,

---

погиб в этом бою. (До войны доцент Левитан преподавал в Минском педагогическом институте.)

⁷ После войны боевые друзья узнали, что Раджаб Аликперович Гадымов с семьей из пятерых детей, живёт в однокомнатной трущобе на окраине Баку – в тяжелейших бытовых условиях... В Совет Министров Азербайджана пришло письмо на бланке Совета Министров Белоруссии с десятью подписями – с просьбой об улучшении жилищных условий ветерану-партизану. Или, просили, помочь Гадымову с переездом в Белоруссию, где такие условия ему будут предоставлены. И Гадымов получил четырёхкомнатную благоустроенную квартиру в родном Баку, а своим белорусским боевым товарищам прислал радостное благодарственное письмо. К сожалению, он вскоре умер от рака крови.

участник боя, говорил, что вообще-то отряду тогда грозила гибель: численное превосходство противника было более чем пятикратное; более того, противник знал точное расположение отряда, численность и систему охраны. Что же спасло?

Помешала врагу интуиция Сыроквашина, бывшего армейского разведчика. Немцы никак не ожидали нарваться на новый партизанский заслон! И не получилось эффекта внезапности. Да и сам бой Сыроквашин провел тактически грамотно – грамотно произвёл расстановку сил и средств и участвовал в руководстве боем.

Сергей Васильевич впоследствии участвовал в разработке планов проведения многих боевых операций и проявлял свой незаурядный военный талант в условиях окружения и открытого боя с оккупантами. Начальника штаба побаивались многие бойцы, знали: спуска за проделки, промедление и проявление слабости в бою не будет. Но бойцы также знали, что если в бою с ними Сыроквашин, то непременно устоят и победят!

К чести Храпко: он мудро положился на армейский опыт и интуицию своего начштаба и в ходе перекальского боя способствовал реализации замысла.

Короче: в том бою каждый был на своем месте, все помогали друг другу. Потому не только выстояли, но и победили!

Вечером на перекальском кладбище партизаны вырыли братскую могилу и похоронили пятерых погибших (в отряде Храпко погиб один человек).

После похорон Храпко созвал совещание командиров и политруков.

– Как могло случиться, что немцы вплотную подошли к базе отряда?

Линчук, командир отрядных разведчиков:

– Немцы по лесу стараются не ходить, предпочитая дороги. Их провели к нашей базе два местных жителя, они из тех, чьи родственники перед войной были репрессированы. Они знали все стёжки-дорожки. Да так провели, что ничего не заметили ни отрядные разведчики, ни связные из деревень, ни местные жители.

Сыроквашин:

– Вывод: надо иметь агентурную разведку и в стане врага: в немецких учреждениях, на транспорте и в полиции. Не может такого быть, чтобы там не нашлось преданных Родине людей! Их надо находить и с ними надо устанавливать связь.

Голодов:

– Командир! Думаю, начштаба прав. Мы должны и обязательно наладим с такими людьми связь. Но есть и ещё один момент, который мы должны учесть сейчас же. Немцы не успокоятся на этом. Они постараются отомстить за свое поражение. Возможно, нанесут по нашей базе в Колбике удар с воздуха. Думаю, отряду надо немедленно перебраться поглубже в лес.

Химичев:

– Поддерживаю. Знаю в лесу, в трёх километрах от Перекаля, хату-терем – «без окон и без дверей», там некогда жил лесник. Подремонтируем, сделаем нары, поставим буржуйки. Зиму перебьемся.

Отряд перебрался на новое место. Но вскоре связные сообщили: каратели объявились в Булкове, Зеленковичах, Зубаревичах, Малыне и Залесье. Что-то затевают...

Храпко вызвали в Рудобелку.

Павловский сообщил командирам отрядов «гарнизона»:

– Немцы намереваются провести крупные карательные акции против партизан. Они уже подтягивают к Октябрьскому району свои карательные части, концентрируя их в Бобруйске, Мозыре и Глуске. Подпольным райкомом партии и моим штабом принято решение: рассредоточить отряды, чётко определив им границы действий и наладив надёжную связь между ними.

Этим решением Павловского отряд Храпко выводился из состава «гарнизона» и становился **самостоятельным партизанским отрядом**. Определялась ему и зона действий – район юго-западнее Бобруйска. Там же надлежало и базироваться.

*

Гроза разразилась на исходе марта.⁸

---

⁸ Карательная операция (20.03.–4.04.1942) под кодовым названием «Бамберг» («Vamberg») против партизанских отрядов «гарнизона Павловского» и населения в Октябрьском, Глуском, Копаткевичском и Бобруйском районах *проводилась* силами трёх пехотных и одного артиллерийского полков, двух отдельных полицейских батальонов, кавалерийского эскадрона и бомбардировочной эскадрильи. 20-го марта каратели вышли на исходные позиции и начали блокирование Октябрьско-Любанской

С трёх сторон зашли каратели в Октябрьский район. Приблизились к Рудобелке, где находились основные силы партизан Павловского.

Налетели «мессершмитты», сбросили бомбы. Застонала земля от разрывов. Затем ударили пушки, пошли танки с пехотой.

Силы были неравные, и, не желая подставлять местное

население под удар карателей, отряды Павловского ушли в Копаткевичский район, прихватив с собой тех селян, кто не пожелал испускать судьбу.

Каратели, не найдя партизан, обрушились на оставшихся жителей, на тех, кто не пожелал уйти с партизанами, понадеявшись на проявление гуманности со стороны оккупационных властей. Стариков, женщин и детей вешали, расстреливали, закалывали штыками и ножами, живыми кидали в колодцы и в горящие избы. Дотла было сожжено около десятка деревень, в том числе и Рудобелку.⁹

«Во всем промысел Божий. Знать, так Богу угодно», – говорили тогда многие про себя и вслух. И не могли примириться с таким решением Всевышнего. Знали: погибшие детки, их родители, женщины и старики в своем большинстве ой как надеялись на него, Отца родного. Что спасёт он их, отведёт руку палача. Ан, нет, не отвёл, а прислал, таких же двуногих и так же

партизанской зоны. В ходе боев с карателями отряды А.Г. Балахонова, М.П. Бумажкова, Н.Б. Храпко, У.Н. Швайкова и некоторые другие вырвались из блокады и передислоцировались в другие районы. Те же отряды, что остались в районе операции «Бамберг», в мае 1942 г. оформятся в «бригаду Павловского» (позже она получит название 123-й Октябрьской).

⁹ Так, в Перекалье, где перед войной жило 115 человек, 29 марта 1942 г. фашисты уничтожили 76 жителей, имущество разграбили, а саму деревню (27 дворов) сожгли. После войны деревня не возродилась. В 1964 г. на могиле жертв фашизма установлена стела. Перекалье увековечено в мемориальном комплексе Хатыни. В Залесье в апреле 1942 г. было сожжено 9 дворов и уничтожен 21 житель, в Колбике уничтожено 30 жителей, в д. Малынь сожжено 12 дворов и уничтожено 50 жителей.

с крестами на шее, то и дело восклицавших «О, майн Гот! (О, боже мой!)».

*Где село стояло — стыннут трубы,
выгорело, вымерзло жильё...
Снег бугрист — метель заносит трупы,
тянется от леса вороньё.*

*Только ветер бродит, завывая,
только кровь,
да пламя, да зола...
Вот она, вторая мировая,
— в глухомань какую забрела...*

Семен Ботвинник

